Рецензии

Обзор книжной серии центра «Сэфер».

Желудок: память о еврейском местечке / Отв. ред. И. Копченова. М., 2013. — 328 с.; Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова М., 2013. — 382 с.; Страницы истории и культуры евреев Грузии (по следам экспедиции 2013 года) / Отв. редактор М. Членов. М., 2014. — 136 с.; Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти / Отв. ред. И. Копченова. М., 2015. — 366 с.

Вышеперечисленные сборники представляют собой публикации материалов и аналитических статей, собранных и написанных участниками экспедиций, организованных Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Центр «Сэфер» в сотрудничестве с различными партнерами организует полевые школы по еврейской этнографии и эпиграфике для студентов, аспирантов и молодых исследователей с 2003 года. Участники экспедиций проводили исследования в Белоруссии, Латвии, Молдавии, России, Узбекистане, Украине, Грузии и Литве — как в местах, где общинная еврейская жизнь в том или ином виде существует и поныне, так и в регионах, где о когда-то живших там евреях свидетельствуют лишь пустующие синагоги, кладбища и воспоминания их бывших соседей.

Сборник «Желудок: память о еврейском местечке» посвящен различным аспектам жизни еврейской общины западнобелорусского местечка. Стоит отметить, что эта книга стала не только первой в серии публикаций материалов полевых школ, но и первой в русскоязычной научной литературе попыткой обратиться к теме еврейского местечка как особого культурного феномена на примере одного городка, собрав и проанализировав разнородные источники — этнографические, ар-

хивные, мемуарные и эпиграфические. Как и множество других еврейских местечек, Желудок в этом своем качестве был стерт с карты Восточной Европы: до войны еврейское население составляло 70 процентов его жителей, но было почти полностью уничтожено в мае 1942 года. Вводная статья Сергея Пивоварчика и Ирины Сорокиной содержит массу интересных исторических и статистических сведений, представляя собой довольно подробный и всеобъемлющий исторический очерк о местечке. Статья Марии Сидоровой-Шпилькер «Евреи местечка Желудóк» основана на архивных материалах и воспоминаниях жителей Желудка о трагических событиях мая 1942 года. Автор делает ряд интересных наблюдений относительно восприятия «неудобной» еврейской темы нынешними жителями поселка и предлагает ряд рекомендаций, которые могли бы помочь им осмыслить события 1942 года.

В статье «Не свои и не чужие: евреи в социальном пространстве белорусских крестьян XIX–XX веков» Ольга Шаталова анализирует причины изменений в отношении белорусских крестьян к евреям и склонна объяснять его ухудшение по большей части экономическими причинами — на смену взаимовыгодному сотрудничеству пришла конкуренция. При этом общий для тех и других опыт угнетения поляками делал евреев более приемлемыми «чужими» в глазах белорусов. В заключении автор пишет о «смягчении» восприятия евреев белорусами после Холокоста, что, на наш взгляд, противоречит приведенным чуть выше примерам попыток соседей рационально объяснить уничтожение евреев — эти попытки можно свести к двум словам: «сами виноваты». Статьи Ольги Беловой «Портрет этнического соседа: евреи глазами славян» и Ольги Щур «Евреи в представлении жителей деревни Фарный конец» отчасти продолжают тему, затронутую в статье Шаталовой. На богатом полевом материале авторы демонстрируют, как формировались и бытовали традиционные стереотипы в отношении евреев в данном регионе. Кроме того, в сборнике представлен каталог еврейского кладбища местечка Желудок и воспоминания выходца из местечка Мирона Мордуховича.

Вышедший в том же, 2013 году сборник «Утраченное соседство» представляет собой попытку изучения феномена формирования социальных представлений о прошлом — в данном случае памяти о евреях в современной Латгалии.

Открывает сборник публикация Михаила Алексеевского «“Еврейский характер” в этнокультурных стереотипах жите-

лей Латгалии». Автор отмечает, что в целом в рассказах информантов о евреях положительные коннотации преобладают над негативными, и высказывает предположение, что формирование положительного образа связано с исчезновением евреев из данного региона. Следствием этого стала идеализация бывших соседей, проявившаяся в положительно окрашенном наборе актуальных этнических стереотипов. Вызывает некоторое недоумение невнимание автора к обстоятельствам этого исчезновения: они, конечно, упоминаются, но никак не учитываются при формировании гипотезы о причинах «идеализации» образа еврея в исследуемом регионе. Между тем, как известно, в Латгалии уничтожение евреев осуществлялось главным образом силами латышской полиции при активной поддержке местного населения. Нельзя ли предположить, что коллективное чувство вины стало по крайней мере одной из причин для замены одних стереотипов другими?

Упомяну еще несколько материалов сборника, в той или иной степени связанных с религиозной проблематикой. Публикация Дарьи Терешиной «“Многие евреи… они все занимались торговлей”: воспоминания о еврейских лавках и бродячих торговцах довоенной Латгалии» продолжает тему стереотипов на сей раз в связи с одной из основных сфер деловой активности еврейского населения. Публикации: Светланы Амосовой, Юлии Андреевой и Владислава Иванова «Еврейская религия, религиозные практики и синагоги в рассказах старожилов Латгалии»; Михаила Алексеевского «Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии»; Виктора Андрушкевича и Марины Гехт «Рассказы о еврейских праздниках»; Светланы Амосовой «“Поймают, убьют, кровь вытягнут и прибавляют в эту мацу”: рассказы о кровавом навете в Латгалии» (которая вносит коррективы в несколько идеализированную картину, нарисованную в первой публикации сборника); Юрия Андреева и Марии Вятчиной «“Кошерный стол” и “хазер”: пищевые практики евреев в представлении нееврейских жителей Латгалии», — посвящены различным религиозно-бытовым аспектам жизни евреев в представлениях их иноэтничных соседей. Публикации содержат богатый полевой материал, требующий дальнейшего анализа с привлечением компаративного материала из других регионов.

Во второй раздел сборника вошли статьи, основанные на различных источниках (устных, архивных, литературных) по истории латышских евреев в XX веке.

Статья «Отношение государства к иудейским общинам в Латвии в 20–30-х гг. XX в.» Инессы Рунце посвящена изменению государственной политики независимой Латвии в отношении еврейских общин. Автор приходит к выводу, что евреи, как и другие «нетрадиционные исторические» религиозные меньшинства в Латвии (баптисты, адвентисты, старообрядцы), не испытывали притеснений в рассматриваемый период.

Большой интерес представляет статья Карины Баркан «Соблюдение еврейских традиций в Латгалии в советское время (вторая половина 1940-х — начало 1960-х гг.): между архивными документами и воспоминаниями». Автор исследует, в каких формах некоторые элементы бытовой и религиозной культуры евреев сохранялись и в послевоенный период, несмотря на Холокост, кардинально изменивший национальный расклад в Латгалии, а также антирелигиозную политику советской власти.

Одной из самых удачных можно назвать статью Дидзиса Берзиньша, посвященную особенностям отражения памяти о Холокосте в Латвии в советской литературе. Автор предпослал основному тексту своей статьи небольшую преамбулу, посвященную современному состоянию *memory studies* в связи с Холокостом, отмечая некоторые расхождения в этой области в Западной и Восточной Европе. Говоря о рефлексии по поводу Холокоста в Латвии, автор полагает, что она не была непрерывной, и выделяет три периода в послевоенной истории Латвии, когда тема Катастрофы находила отражение в советских художественных произведениях. Остается выразить сожаление, что читатель этого, в целом весьма достойного, сборника лишен возможности оценить, как память о Холокосте представлена в современных устных нарративах, как она повлияла на формирование облика евреев и восприятие еврейской традиции местным населением.

Следующий сборник, изданный в 2014 году, посвящен феномену грузинских евреев. Эта этноконфессиональная группа относится к числу наименее исследованных еврейских этнических групп, она более других интегрирована в грузинский социум, а ее история и по сию пору едва отделима от мифологической составляющей. Участники экспедиции, материалы которой легли в основу настоящего сборника, осуществляли работу по двум направлениям — этнографическому и эпиграфическому, стремясь объять необъятное — историю и современность. Собственно, автор первой статьи «Евреи Грузии: аккультурация без ассимиляции

(II в. до н.э. — XX в.)» Константин Лернер успешно справляется с этой задачей. Он отмечает, что изучение грузинского еврейства имеет большую ценность не только для иудаики, но и с точки зрения общей социальной теории, поскольку «история еврейской общины Грузии дает яркий пример успешной стратегии этнорелигиозного и экономического выживания малой группы в рамках доминирующего социума» (с. 14).

Следующая статья, на которую следует обратить внимание, написана известным отечественным этнографом Марком Куповецким о евреях Кахетии в XIV–XVII веках. Автор отмечает ограниченность источниковой базы по истории грузинских евреев и указывает на необходимость привлечения, помимо собственно грузинских, синхронных русских, западноевропейских и персидских источников. Благодаря предложенному подходу в статье впервые реконструированы условия жизни и обстоятельства исчезновения еврейских общин Кахетии.

Полевые материалы экспедиции в грузинском сборнике представлены публикацией Светланы Амосовой, Марии Вятчиной и Елены Сабанцевой «Евреи... или врачи были, или продавцы», в основу которой положены короткие интервью о жизни евреев в Грузии. Публикации, на наш взгляд, недостает аналитического комментария — насколько грузинские этнические стереотипы универсальны/уникальны и т.п. В некоторой степени эту лакуну заполняет статья «Взаимоотношения еврейской и иудейской общин Грузии» Анастасии Чижовой, которая, несмотря на описательный характер, все же позволяет поместить вышеупомянутые интервью в некий контекст.

Помимо уже упомянутых, сборник включает две весьма любопытные статьи Мачея Вонса «Евреи Грузии и их польские книги» и «Образ евреев в польских описаниях Кавказа», Натальи Кашовской «Эпиграфическая экскурсия в горное селение Лайлаши», Лелы Цуциашвили «Еврейское культурное наследие Грузии», Гурама Лорткипанидзе «Новые архивные материалы по еврейской диаспоре Грузии», а также Шоты Бастанашвили «Синагоги Грузии».

И, наконец, последний к настоящему времени сборник вновь посвящен проблемам исторической памяти — на сей раз на литовском материале. Исследователи сфокусировались на городке Биржай, где когда-то мирно сосуществовали раббанитская и караимская общины. В настоящее время здесь по инициативе местных жителей осуществляется ряд проектов, направленных на изучение еврейского культурного наследия и его актуализацию.

Сборник открывается статьями Руты Анулите и Кшиштофа Белявского, в которых обсуждается проблема сохранения еврейского наследия в Литве и Польше. Обе страны практически полностью потеряли еврейское население, причем в обеих масштаб этой трагедии был обусловлен активным участием местного населения в Холокосте. В статьях обсуждается, как в этой связи менялось отношение к еврейскому наследию (прежде всего материальному, но не только), забота о котором ввиду отсутствия еврейских общин легла на плечи государства и местного населения.

В статьях Владимира Петрухина «Раббанитские и караимские общины в средневековой Литве: проблемы начальной истории» и Юригиты Шяучюнайте-Вербицкене «Очерки истории еврейской общины Биржая» обсуждаются проблемы появления и сосуществования раббанитских и караимских общин в Великом княжестве литовском.

Следующий блок материалов посвящен образу еврея в воспоминаниях литовских соседей. В публикации Римаса Слюжинскаса «Исторические воспоминания литовцев о евреях в окрестностях Биржая (1920–1940 гг.): современный взгляд» предпринята попытка систематического изложения воспоминаний литовцев о евреях, включая не только особенности их бытовой и религиозной культуры, но и свидетельства о Холокосте. В этом же разделе представлена любопытная публикация Ильи Магина «Староверы как евреи: особенности пищевых запретов у старообрядцев северной Литвы». Несмотря на то, что за многообещающим провокативным названием скрывается полевой материал, имеющий целью «дать образцы малоизвестного говора биржайских староверов», статья не является сугубо лингвистической и содержит массу интересных сведений, в том числе об отношении старообрядцев к евреям и Холокосту.

Памяти о Холокосте в биржайском сборнике посвящен целый раздел со статьями Марии Вятчиной, Бориса Рашковского и публикацией Светланы Амосовой. Авторы отмечают, что характер коллективной памяти о Холокосте, вероятно, обусловлен особой чувствительностью информантов, лично знавших жертв, а также широко известными фактами участия местных жителей в расправах над евреями. О механизмах формирования индивидуальных и коллективных воспоминаний в связи с глобальными травматическими событиями в последнее десятилетие написано немало трудов. Вспомним хотя бы недавно переведенную на русский язык книгу Алейды Ассман «Длин-